

Содержание

Предисловие издателя.....	11
Предисловие к изданию 1852 года.....	13

Денежная мания — Миссисипский план	15
--	----

Джон Ло: рождение и юношеские годы — Дуэль между Ло и Уилсоном — Побег Ло из тюрьмы при Суде королевской скамьи — Земельный банк — Пристрастие Ло к азартным играм на континенте и знакомство с герцогом Орлеанским — Состояние Франции после царствования Людовика XIV — Бумажные деньги, введенные Ло в этой стране — Энтузиазм французского народа в отношении Миссисипского плана — Маршал Виллар — Использование уловок и дача взяток для встречи с Ло — Значительные колебания курса Миссисипских акций — Ужасные убийства — Ло назначается генерал-контролером финансов — Грандиозная распродажа всевозможных украшений в Париже — Первые финансовые трудности — Безрассудная отправка бродяг на разработку золотых месторождений на Миссисипи — Приостановка банковских платежей — Ло увольняют из министерства — Платежи в металлических деньгах — Ло и регента высмеивают в песне — Ужасный кризис Миссисипского плана — Почти разорившийся Ло бежит в Венецию — Смерть регента — Ло вынужден вновь прибегнуть к азартным играм — Его смерть в Венеции.

«Мыльный пузырь» южных морей	59
------------------------------------	----

Основание компании Харли графом Оксфордским — Лихорадочное возбуждение на Иксчейндж-эли — М-р Уолпол — Сэр Джон Блант — Огромный спрос на акции — Бесчисленные «мыльные пузыри» — Список бесчестных проектов и дутых предприятий — Взлет курса акций Компании южных морей — Внезапное падение — Общее собрание директоров компании — Кульминация аферы — Ее воздействие на общество — Беспорядки в палате общин — Побег Найта — Арест сэра Джона Бланта — Поимка Найта в Тирльмонте — Его второй побег — Допрос лиц, причастных к афере — Их соответствующее наказание — Заключительные замечания.

Тюльпаномания 101

Конрад Геснер — Тюльпаны, завезенные из Вены в Англию — Повальное увлечение голландцев тюльпанами — Их высокая стоимость — Курьезная история о моряке и тюльпане — Постоянно действующие тюльпанные рынки — Тюльпаны как средство спекуляции — Их стремительное обесценивание — Конец мании.

**Алхимики, или Искатели философского камня
и живой воды 111**

Вводные замечания — Претензии на древность искусства — Гебер — Аль-Фараби — Авиценна — Альберт Великий — Фома Аквинский — Артефий — Ален де Лиль — Арнальдо де Виланова — Пьетро д'Апоне — Раймунд Луллий — Роджер Бэкон — Папа Иоанн XXII — Жан де Мён — Николай Фламель — Джордж Рипли — Василий Валентин — Бернард Трирский — Тритемий — Маршал де Ре — Жак Кёр — Менее известные адепты — Развитие алхимической концепции в шестнадцатом и семнадцатом веках — Аугурелло — Корнелий Агриппа — Парацельс — Георг Агрикола — Денис Захарий — Доктор Ди и Эдвард Келли — Космополит — Сендивогий — Розенкрейцеры — Михаэль Майер — Роберт Фладд — Джон Хейдон — Якоб Бёме — Мормий — Джузеппе Франческо Борри — Менее известные алхимики семнадцатого века — Делиль — Альбер Алюи — Граф де Сен-Жермен — Калиостро — Современное состояние алхимии.

**Пророчества о конце света
и великих бедствиях 253**

Страх перед скорым судным днем — Кометы как предвестия этого дня — Пророчество Уистона — Паника жителей Лидса, ждавших второго пришествия — Чума в Милане — Астрологи и прочие предсказатели будущего — Пророчество о разливе Темзы — Матушка Шиптон — Мерлин — Хейвуд — Петр Понтефрактский — Роберт Никсон — Составители астрологических календарей.

Предсказатели будущего 279

Переоценка людьми собственной значимости и их малодушие — Предсказания в сочетании с алхимией — Расцвет астрологии в Англии от Елизаветы I до Вильгельма III Оранского и Марии II Стюарт — Вызов астролога Лилли на заседание комитета пала-

ты общин в связи с пожаром в Лондоне — Поощрение астрологии властями предрежащими во Франции и Германии — Нострадамус — Базилио Флорентийский — Антиох Тиберт — Кеплер — Некромантия — Роджер Бэкон, Альберт Великий, Арнальдо де Виланова — Геомантия — Ауспиции — Гадание: перечень его разновидностей — Онейрокритицизм (толкование снов) — Предзнаменования.

Магнетизеры..... 303

Действенность внушения при лечении болезней — Приверженцы минерального магнетизма — Парацельс — Иезуит Кирхер — Себастьян Вирдиг — Уильям Максвелл — Конвульсионеры св. Медара — Отец Хелль — Месмер, основоположник животного магнетизма — Делон, его ученик — Маркиз де Пуизегюр — Успех доктора Менодюка в Лондоне — Холлоуэй, Лутербург, Мэри Пратт и др. — «Металлические вытягиватели» Перкинса — Упадок доктрины.

**Влияние политики
и религии на стрижки, бороды и усы..... 341**

Стрижки и бороды в древности и в эпоху раннего средневековья — Папское постановление об отлучении длинноволосых мужчин от церкви и объявлении их вне закона — Благодетельство Людовика VII, ставшее причиной длительных войн между Англией и Францией — Германский император и король Испанский Карл V и его придворные — Петр I Великий — Введенный им откуп за бороду — Возвращение моды на усы во Франции и в Бельгии после Июльской революции 1830 года — Указ баварского короля (1838) о запрещении гражданским лицам носить усы.

Крестовые походы..... 349

Различное отношение к крестоносцам историков и авторов рыцарских романов и поэм — Первые паломничества в Святую Землю, совершенные обращенными в христианство евреями и самыми набожными христианами Европы — Ежегодный прирост числа паломников — Дорогостоящие христианские реликвии — Гарун аль-Рашид — Введение для пилигримов платы за вход в Иерусалим — Роберт Дьявол, герцог Нормандский — Притеснение паломников турками-сельджуками — Петр Пустынник — Идея

об отвоевании христианами Святой Земли, впервые пришедшая ему на ум в Палестине — Его встреча с Симеоном — Петр Пустынник проповедует священную войну западным христианам — Римский папа переправляется через Альпы — Осуждение им внебрачной связи французского короля Филиппа I с Бертрад де Монфор — Клермонский собор — Речь Урбана II — «Божье Перемирие» — Готье Санавуар, или Вальтер Неимуций — Готшалк — Взятие Землина — Петр Пустынник у Ниша — В Константинополе — Спасение остатков крестоносцев в Малой Азии и их переправка в Константинополь — Новые орды из Германии — Готфрид Бульонский — Граф Вермандуа — Танкред — Осада Антиохии — «Святое Копье» — Участь Петра Варфоломея — Осада Иерусалима — Св. Бернард — Второй крестовый поход: осада Дамаска — Третий крестовый поход: смерть Генриха II Плантагенета — Ричард Львиное Сердце — Четвертый крестовый поход — Пятый крестовый поход: штурм Константинополя — Шестой крестовый поход: Камель и Кореддин — Седьмой крестовый поход: отплытие Людовика IX на Кипр — В Акру — Его смерть в Карфагене — Конец крестовых походов.

Охота на ведьм.....453

Расхожие представления о дьяволе — Подчиненные ему демоны — Демоны обоего пола — Демоны, предпочитающие ночь с пятницы на субботу — Дьявол в обличье козла — Колдовство — Казнь Жанны д'Арк — Ведьмы, сожженные в Европе — Различные обвинения в ведовстве — Труа Эшель — Ведьмы из Урбойса — Джон Нокс — пытка Доктора Фиана — Ланкаширские ведьмы — Мэтью Хопкинс — Сожжения в Вюрцбурге, Линдгейме и Лабуре — Запрос Руанского парламента, направленный королю в 1670 году — Вюрцбург, место последнего судебного разбирательства по делу о ведовстве — Ведовство леди Хаттон — Ведовство в Гастингсе и многих других районах Англии.

Изощренные отравители..... 549

Убийство сэра Томаса Овербери — Суд над Уэстоном — Над сэром Джарвисом Элвесом — Наибольшее распространение отравлений в Италии — Яды, приготовленные Ла Тофаной — Ее смерть — Мадам де Бренвилье — Отравление ее отца и двух братьев — Лавуазен и Лавигорё.

Дома с привидениями..... 577

Дом в Ахене — В Туре — Королевский дворец Вудсток — Мнимые привидения в Тедуорте — На Кок-лейн — В Стоквелле — Дом с привидениями в Бальдаррохе.

Причуды жителей больших городов..... 601

Жаргонные выражения — «Сказанул» — «Что за прескверная шляпа!» — «Вреши, поди» — «Полюбуйтесь на него!» — «Что, твоя матушка продала каток для белья?» — «Вспышка!» — «А твоя мамочка знает, что тебя нет дома?» — «Ты кто такой?» — «Том и Джерри» — «Джим Кроу».

Народная любовь к известным разбойникам..... 613

Робин Гуд — Дик Тёрпин — Джек Шеппард — Джонатан Уайльд — Клод Дюваль — Видок — Мауш Надель — «Опера нищих» — Роб Рой.

Дуэли и ордалии..... 629

Происхождение дуэлей — Отлучение от церкви всех лиц, причастных к дуэлям, на Трентском соборе — Ордалия огнем — Ордалия водой — Ордалия хлебом и сыром — Дуэль между Ингельгерием и Гонтраном — Дуэль между Франсуа де Вивонном и Ги де Шабо — Лиль-Мариво и Маролль — Ришелье — Дуэль между герцогами де Бофором и де Немуром — Законы против дуэлей — Дуэль между лордом Санквиром и Тёрнером — Между герцогом Гамильтоном и лордом Моханом — Германские студенты как закоренелые дуэлянты.

Реликвии..... 675

Истинный крест — Слезы Спасителя — Санта-Скала, или Священная лестница — «Безумный мальтийский рыцарь» — Тутовое дерево Шекспира.

Предисловие издателя

Первое издание книги Чарльза Маккея в России вышло в конце 1998 года. Это был период хаоса и неопределенности, вызванных дефолтом и экономическим кризисом. Тогда нам казались наиболее актуальными главы, посвященные историям финансовых потрясений, а также глава, содержащая предсказания конца света: грядущий 2000 год вызывал у многих людей апокалиптические настроения. Переиздавая эту книгу позднее, мы обратили внимание, насколько главы с историями про алхимиков созвучны современным увлечениям экстрасенсами и паранормальными явлениями.

Есть книги, которые не устаревают. Это происходит потому, что с течением времени восприятие таких книг меняется, хотя их содержание само по себе остается неизменным. Каждое новое поколение интерпретирует их по своему. Не случайным, например, является появление в последнее время учебников по менеджменту, основанных на работах Клаузевица, Сунь-цзы и других военачальников прошлого. Генри Киссинджер (бывший госсекретарь США) писал: «История — не поваренная книга с проверенными рецептами. Она учит через аналогии, а не через аксиомы. Она может объяснить последствия предпринятых шагов в сходных ситуациях, однако каждое поколение должно само открыть для себя, какие ситуации являются на самом деле сходными». Набор ассоциаций, вызываемых «Безумствами толпы», поистине неисчерпаем. При этом каждому придется искать их самостоятельно, ведь в отличие от современных газет и телевидения свое мнение автор (он умер более ста лет назад) вам не может навязать.

*Алексей Ильин,
генеральный директор издательства «Альпина Паблишер»*

Предисловие к изданию 1852 года

Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что у них, как и у отдельных людей, есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая. Мы видим, как одну нацию, от высшего до низшего сословия, внезапно охватывает неистовое желание военной славы, а другая, столь же внезапно, сходит с ума на религиозной почве, и ни та, ни другая не могут прийти в себя, пока не прольются реки крови и не будут посеяны семена из стонов и слез, плоды которых придется пожинать потомкам. Население Европы эпохи раннего Средневековья потеряло голову из-за Гроба Господня и безумными толпами устремилось в Святую землю; последующие поколения довели себя до помешательства на почве страха перед дьяволом и принесли сотни тысяч людей в жертву ведьмомам. В другой раз многие лишились рассудка на почве философского камня¹ и в погоне за ним совершали доселе неслыханные глупости. Было время, когда в очень многих европейских странах считалось простительным убийство врага с помощью медленно действующего яда. Те, кто питал отвращение к физическому устранению неугодных, без угрызений совести подмешивали им в суп отраву. Женщины знатного происхождения со светскими манерами поддавались соблазну отравления, которое при их содействии становилось еще более популярным. Некоторые мании, несмотря на их дурную славу во всем мире, существовали веками, обильно процветая как среди цивилизованных и утонченных народов, так и у древних варваров, которые их породили, — такие, как, например, дуэли и вера в предзнаменования и предсказание будущего,

¹ Философский камень — вещество, которое, по представлениям алхимиков, могло обращать неблагородные металлы в золото и серебро, а также было важнейшим составляющим эликсира бессмертия. — *Прим. пер.*

которые, казалось, игнорировали накопленный человечеством опыт, призванный полностью искоренить их в умах людей. И опять же, зачастую причиной массовых психозов были деньги. Рассудительные нации однажды становились отчаянными игроками и рисковали чуть ли не своим существованием ради прибыли от клочка бумаги. Цель этой книги — проследить историю наиболее известных из этих психозов. Люди, как некто удачно выразился, мыслят стадом; вы узнаете, что стадом же они сходят с ума, а в сознание приходят медленно и поодиночке.

Некоторые из описанных случаев могут быть хорошо знакомы читателю, но автор надеется, что существенная новизна деталей будет отмечена последним даже в этих эпизодах, где она призвана сделать изложение более приемлемым; к тому же данными деталями нельзя полностью пренебречь по отношению к предмету повествования, с которыми они связаны. Истории безумия «Южных морей» и Миссисипской мании изложены в этой книге полнее и подробнее, чем где бы то ни было; то же самое можно сказать об охоте на ведьм: в посвященной ей главе рассказывается, в частности, о тех ужасающих масштабах, которые она приняла в Германии, — эпизод, сравнительно мало затронутый сэром Вальтером Скоттом в его «Записках о демонологии и колдовстве», наиболее значимой из всех когда-либо изданных книг на эту страшную, но в высшей степени интересную тему.

Массовые психозы появились столь давно, распространились столь широко и длились столь долго, что для того, чтобы рассказать о них подробно, потребовалось бы написать не две или три книги, а все пятьдесят, а то и больше. Данную книгу можно считать скорее сборником рассказов о маниях, нежели историческим трудом, — одной главой огромной и ужасной книги о человеческой глупости, которую еще предстоит написать и которую Порсон, как он однажды пошутил, написал бы в пятистах томах! Читатель узнает и более невинные истории — занятные примеры подражательства и упорства в заблуждениях, а не безрассудства и обмана.

Денежная мания — Миссисипский план

*Some in clandestine companies combine;
Erect new stocks to trade beyond the line;
With air and empty names beguile the town,
And raise new credits first, then cry em down;
Divide the empty nothing into shares,
And set the crowd together by the ears.*

— *Defoe*¹.

Жил на свете один человек, личность и карьера которого столь тесно связаны с великим планом 1719 и 1720 годов, что история Миссисипского безумия не заслуживает более подходящего предисловия, чем беглое жизнеописание нашего героя — Джона Ло. Одни историки считают его плутом, другие — безумцем. Обоиими эпитетами его щедро награждали при жизни и тогда, когда дурные последствия его проектов все еще давали о себе знать. Тем не менее последующие поколения нашли повод усомниться в справедливости этих обвинений и признать, что Джон Ло не был ни плутом, ни безумцем, а скорее заблуждающимся, нежели вводящим в заблуждение, и больше жертвой грешников, чем одним из них. Он в совершенстве знал философию и законы кредитования. Он разбирался в денежных вопросах лучше, чем кто-либо из его современников, и если его система и потерпела столь ужасающий крах, то виной тому был не столько он сам, сколько люди, среди которых он ее возвел. Он не рассчитывал на алчное безумие целой нации; он не понимал, что доверие, как и недоверие, может быть чуть ли не *бесконечным* и что надежда — вещь столь же безрассудная, сколь и опасная. Разве мог он предвидеть, что французы, как герой известной сказки, с неистовым рвением убьют его прекрасную гусыню, несущую золотые яйца?

¹ «Некоторые люди объединяются в нелегальные предприятия, создают новые компании, чтобы торговать воздухом, обманывают других пустыми обещаниями и вывесками, за которыми ничего нет, создавая кредитные схемы, которые впоследствии рушатся, выпускают ничем не обеспеченные акции и завлекают толпу манной небесной». Дефо. — *Прим. пер.*

Его судьба сродни той, которая, как можно предположить, постигла первого безрассудного лодочника, собравшегося переплыть из озера Эри в озеро Онтарио. Широкой и спокойной была река, по которой он поплыл, продвижение его было скорым и приятным, и кто мог встать у него на пути? Но увь, впереди лежал водопад! Когда уже было слишком поздно, он осознал, что влекшее его стремительное течение было гибельным; а когда он попытался повернуть назад, то понял, что слишком слаб, чтобы плыть против течения, и что скоро он рухнет в водопад. Упав вниз на острые камни, он и его лодка разбились на куски, а воды, взбаламученные и вспененные бурным водопадом, какое-то время бурлили и пузырились, а затем вновь потекли плавно, как и прежде. Именно это и произошло с Ло и французами. Он был лодочником, а они — водами.

Джон Ло родился в Эдинбурге в 1671 году. Его отец был младшим сыном в семье с древними корнями из Файфа и занимался ювелирным и банковским делом. Он нажил своим ремеслом солидный капитал, достаточный для выполнения весьма распространенного среди его соотечественников желания добавить к своему имени дворянский титул. С этой целью он купил поместья Лористон и Рэндлстон у залива Ферг-оф-Форт, на границе Уэст-Лотиана и Мидлотиана, и с этого времени стал известен как Ло Лористонский. Герой нашего повествования, старший сын в семье, в четырнадцать лет был зачислен в бухгалтерию отца и три года усердно постигал основы банковского дела, которым впоследствии и занялся в Шотландии. Он всегда проявлял большую любовь к арифметике, а его математические способности признавались выдающимися для столь юного возраста. В семнадцать лет он был высоким, сильным и хорошо сложенным, а его лицо, несмотря на глубокие оспины, было приятным. В этом возрасте он начал манкировать своими обязанностями, стал тщеславным и позволял себе экстравагантность в одежде. Он пользовался большим успехом у женщин, которые называли его Щеголь Ло, в то время как мужчины, презирая его за фатовство, дали ему прозвище Жасминный Джон. После смерти отца в 1688 году он больше не садился за опостылевший ему письменный стол; обладая немалым доходом от отцовского поместья Лористон, отправился в Лондон повидать мир.

Он был очень молод, приятной наружности, тщеславен, довольно богат и абсолютно неуправляем. И неудивительно, что по прибытии в столицу начал сорить деньгами. Став вскоре завсегдатаем игорных домов, он, следуя определенной схеме, основанной на некоей загадочной калькуляции шансов на выигрыш, хитрился выигрывать

значительные суммы. Его удачливости завидовали все игроки, а многие из них пользовались ею, наблюдая за его игрой и делая те же ставки, что и он. Ему одинаково везло и в делах сердечных: самые красивые женщины любезно улыбались симпатичному шотландцу — молодому, богатому, остроумному и обходительному. Но все эти успехи подготавливали почву только для худшего. За девять лет опасных соблазнов беспутной жизни Ло превратился в законченного игрока. Когда его любовь к игре дошла до неистовства, благоразумие покинуло его. Чтобы выплатить огромные долги, приходилось делать еще более высокие ставки, и в один несчастливый день он проиграл больше, чем мог заплатить, не заложив семейное поместье, что он и сделал. Тогда же ему вышла боком его любвеобильность. Была ли это любовная связь или просто легкий флирт с леди Вильерс¹, но это вызвало негодование некоего господина Уилсона, который вызвал нашего героя на дуэль. Ло принял вызов и имел несчастье застрелить противника с первого выстрела. В тот же день он был арестован и привлечен к суду по обвинению в убийстве, выдвинутому родственниками господина Уилсона. Позднее он был признан виновным и приговорен к смертной казни. Приговор был заменен штрафом на том основании, что убийство было непредумышленным. Один из братьев покойного подал апелляцию, и Ло был помещен в тюрьму при Суде королевской скамьи², откуда он каким-то образом (о чем никогда не распространялся) сумел бежать. Против нерадивых тюремщиков возбудили дело, а о беглеце дали объявление в правительственном бюллетене и назначили вознаграждение за его поимку. Он описывался как «земельный магнат Джон Ло, шотландец, двадцати шести лет, очень высокий (более шести футов), смуглый, худощавый, хорошо сложен, на лице крупные оспины, длинноносый; речь громкая, с шотландским акцентом». Поскольку это было скорее карикатурой, нежели его описанием, предполагали, что так было написано с целью упростить ему побег. Джон благополучно добрался до континента, по которому путешествовал три года, уделяя пристальное внимание денежным и банковским операциям стран, через которые проезжал. Несколько месяцев прожил в Амстердаме, по-немногу спекулируя государственными ценными бумагами. Утренние

¹ Мисс Элизабет Вильерс, впоследствии графиня Оркнейская. — *Прим. авт.*

² Суд королевской скамьи (Court of the King's Bench) — английское судебное учреждение, сформировавшееся к началу XIII в. из личного Суда короля как один из высших (королевских) судов так называемого «общего права». Стал высшей апелляционной инстанцией для всех других судов, но со временем был специализирован на рассмотрении апелляций по уголовным делам. С 1971 г. рассматривает апелляции только по гражданским делам. — *Прим. пер.*

часы посвящал изучению финансового дела и принципов торговли, вечерние — игорному дому. Принято считать, что он вернулся в Эдинбург в 1700 году. Точно известно, что в этом городе Ло опубликовал свои «Предложения и доводы относительно учреждения в Шотландии торгового совета». Эта брошюра не привлекла сколько-нибудь значительного внимания.

Некоторое время спустя он издал проект учреждения так называемого Земельного банка¹, который выпускал бы в обращение банкноты, номинальная стоимость которых никогда не превышала бы стоимости всех государственных земельных владений или равнялась бы стоимости земли при праве вступления во владение в определенное время. Этот проект вызвал оживленные дискуссии в шотландском парламенте, и одна из нейтральных партий под названием «Эскадрон», сторонником которой являлся Ло, выдвинула предложение учредить такой банк. Парламент в конце концов вынес резолюцию, согласно которой учреждение любых вексельных кредитов для стимулирования деловой активности являлось неприемлемой тактикой для страны.

После провала данного законопроекта и неудачных попыток добиться помилования в деле об убийстве господина Уилсона Джо перебрался на континент и вернулся к привычному занятию — игре. За четырнадцать лет он побывал во Фландрии, Голландии, Германии, Венгрии, Италии и Франции, получил детальное представление о торговле и ресурсах каждой из этих стран и с каждым днем все больше утверждался во мнении, что ни одной из них не добиться процветания без бумажных денег. Все это время он, по-видимому, жил главным образом на деньги от успешной игры. Его знали во всех крупных игорных домах европейских столиц и считали одним из наиболее поднаторевших в хитросплетениях шансов на выигрыш людей своего времени. В книге «Biographie Universelle»² сообщается, что он был изгнан в судебном порядке сначала из Венеции, а затем из Генуи, где считался слишком опасным для молодежи этих городов визитером. Во время пребывания в Париже впал в немилость у д'Аржансона, генерал-лейтенанта полиции³, приказавшего ему покинуть столицу. Однако это случилось уже после того, как Джо завязал салонное знакомство

¹ Тогдашние остряки называли его *песчаным банком*, который приведет государство к краху. — *Прим. авт.*

² «Всеобщая биография» (фр.). — *Прим. пер.*

³ Генерал-лейтенант полиции — государственная должность во Франции эпохи абсолютизма, учрежденная в 1667 г. Отвечал за поддержание порядка в масштабах всего королевства и руководил как общегражданской, так и политической полицией, а также специализированными полицейскими подразделениями. — *Прим. пер.*

с герцогом Вандомским, принцем де Конти и бесшабашным герцогом Орлеанским. Последнему впоследствии было суждено в значительной мере повлиять на его судьбу. Герцогу Орлеанскому пришлось по душе живость и ум шотландского искателя приключений, который в свою очередь остался не менее доволен смекалкой и добродушием принца, пообещавшего стать его покровителем. Они часто проводили время в обществе друг друга, и Ло при любой возможности исподволь внушал свои финансовые доктрины герцогу, чья приближенность к престолу сулила ему в не столь отдаленном будущем важный пост в правительстве.

Незадолго до смерти Людовика XIV (по другим данным, в 1708 году) Ло предложил некий финансовый план генерал-контролеру¹ Демаре, который в свою очередь показал его королю. Сообщается, что Людовик осведомился, является ли автор проекта католиком, и, получив отрицательный ответ, отказался иметь с ним дело².

После этого отказа Ло посетил Италию. По-прежнему вынашивая финансовые планы, он предложил Виктору Амедею, герцогу Савойскому, учредить земельный банк в этой стране. Герцог ответил, что его владения слишком ограничены для реализации столь грандиозного проекта и что власть его слишком слаба и уязвима. Тем не менее он посоветовал Ло еще раз попытаться счастья во Франции, ибо был уверен, что если он хоть немного разбирается во французах, то им этот план, не столь новый, сколь внушающий доверие, придется по душе.

В 1715 году Людовик XIV умер, престол унаследовал семилетний ребенок, и герцог Орлеанский по праву регента взял бразды правления в свои руки до достижения наследником совершеннолетия. О лучшем Ло не мог и мечтать. Это было самое удачное время для удовлетворения его амбиций, которое, словно поток воды, должно было вынести его к богатству. Регент был его другом, уже знавшим его теорию и притязания и, более того, склонным помочь ему в любых начинаниях,

¹ Генерал-контролер (министр) финансов — государственная должность во Франции эпохи абсолютизма, приобретающая огромное значение начиная с Кольбера (1665 г.), который, не ограничиваясь непосредственными функциями министра финансов (формированием государственного бюджета и руководством экономической политикой страны), контролировал работу государственного аппарата и организовывал законодательную деятельность. — *Прим. пер.*

² Этот эпизод, изложенный в одном из писем мадам де Бавье, герцогини Орлеанской и матери регента, опровергается лордом Джоном Расселом в его «Истории ведущих государств Европы после Утрехтского мира», но опровергается бездоказательно. Не подлежит сомнению, что Ло предложил свой план Демаре и что Людовик отказался даже слышать об этом. Причина отказа вполне согласуется с характером этого нетерпимого и деспотичного монарха. — *Прим. авт.*

способных восстановить престиж Франции, сведенный на нет долгим и сумасбродным правлением Людовика XIV.

Едва короля уложили в могилу, как ненависть к нему народа, сдерживаемая до этого десятилетиями, выплеснулась наружу. Людовика, чьи достоинства при жизни приукрашивались до степени, вряд ли имеющей прецедент в мировой истории, теперь проклинали как тирана, деспота и грабителя. Его статуи забрасывали грязью и уродовали, его портреты срывались со стен под проклятия простолюдинов, а имя стало синонимом себялюбия и угнетения. Славные деяния короля были забыты, и все помнили только его провалы, сумасбродство и жестокость.

Финансы страны находились в состоянии предельного хаоса. Монарх, чья расточительность и продажность передались почти всем чиновникам разных рангов, поставил Францию на грань катастрофы. Национальный долг составлял три миллиарда ливров, годовой доход — 145 миллионов, а затраты на содержание правительства — 142 миллиона в год; оставалось всего три миллиона на выплату процентов по национальному долгу. Первой заботой регента стал поиск средств борьбы со столь масштабным злом, и был срочно созван совет для обсуждения данной проблемы. Герцог де Сен-Симон считал, что спасти страну от революции могут только решительные и вместе с тем рискованные меры. Он посоветовал регенту созвать Генеральные штаты¹ и объявить страну банкротом. Герцог де Ноаль, приспособленец по натуре и придворный до мозга костей, питавший тотальное отвращение к любым лишениям и дискомфорту, для преодоления которых потребовалась бы определенная изобретательность, выступил против проекта Сен-Симона, используя все свое влияние. Он охарактеризовал проект как бесчестный и разорительный. Регент придерживался того же мнения, и этот отчаянный план был похоронен.

Принятые в конце концов меры, хоть и выглядели многообещающе, лишь углубили кризис. Первая и самая бесчестная из них не принесла выгоды государству. Было приказано чеканить новую монету, обесценившую национальную валюту на одну пятаю. Те, кто принес тысячи золотых и серебряных монет на монетный двор, получили

¹ Генеральные штаты — здесь: высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302–1789 гг., состоявшее из депутатов от духовенства, дворянства и третьего сословия — купцов, ремесленников, крестьян, буржуазии и рабочих. Создавались королями главным образом для получения от них согласия на сбор налогов. — *Прим. пер.*

взамен некоторое количество монет той же номинальной стоимости, но в них было только четыре пятых золота или серебра от их массы. В результате казна пополнилась на семьдесят два миллиона ливров, а все коммерческие операции в стране пришли в хаос. Незначительное снижение налогов заглушило ропот недовольных, и за эту малую уступку большое зло было забыто.

Затем была учреждена Судебная камера, призванная расследовать случаи финансовых злоупотреблений среди податных чиновников и генеральных откупщиков¹. Сборщики налогов никогда не были особенно популярны ни в одной стране, но во Франции того периода они заслужили всю ту ненависть, что на них выплескивали. Как только их и сонмы подчиненных им агентов, так называемых *maltôtiers*², призвали к ответу за их преступления, страну охватила безудержная радость. Судебная камера, созданная главным образом для борьбы с казнокрадством, была наделена самыми широкими полномочиями. Она состояла из президентов и советников Парижского парламента³, судей и ревизоров налогового суда и чиновников счетной палаты. Общее руководство осуществлял министр финансов. Доносчикам обещали одну пятую часть штрафов и конфискованного имущества,

¹ Во Франции того периода действовала так называемая откупная система — передача государством на обусловленный срок права сбора налогов и других доходов частным лицам — откупщикам. Для получения откупа государству уплачивался взнос, называвшийся ценой откупа. Откупщики давали государству гарантию о внесении в казну определенной суммы доходов, а все средства, собранные сверх этого, шли в их пользу. Откупная система распространялась в основном на косвенные налоги: таможенный, соляной, винный и другие откупы. Существовало два вида откупа: генеральный и специальный. На генеральный откуп отдавался комплекс налогов, взимаемых генеральным откупщиком по всей стране либо по районам; специальный откуп охватывал отдельные налоги и сборы. — *Прим. пер.*

² От слова *maltôte*, незаконное обложение налогом. — *Прим. авт.*

³ Парижский парламент — созданный в 1260 г. специальный судебный орган, ставший высшим судом во Франции. Состоял из назначаемых королем духовников, рыцарей и легистов — выпускников юридических факультетов университетов, активно поддерживавших королевскую власть. В первой половине XIV в. приобрел право регистрации королевских ординансов (указов) и других королевских документов, ставшей в 1350 г. обязательной. Низшие суды и парламенты других городов при вынесении решений могли пользоваться только зарегистрированными королевскими ординансами. Если парижский парламент находил в регистрируемом акте неточности или отступления от «законов королевства», он мог заявить ремонстрацию (возражение) и отказать такому акту в регистрации. Ремонстрации преодолевались только путем личного присутствия короля на заседаниях парламента. В 1673 г. Людовик XIV объявил, что парламент больше не имеет права отказывать в регистрации королевских актов, а ремонстрация может быть заявлена лишь отдельно. Тем самым парламент был лишен своей важнейшей прерогативы — опротестовывать и отклонять королевское законодательство. В 1715 г. регент герцог Филипп Орлеанский вернул парламенту право ремонстраций и обязался учитывать его рекомендации и указания во всех государственных делах. — *Прим. пер.*

тем самым побуждая их давать свидетельские показания против преступников. Десятая часть всего укрываемого имущества, принадлежащего виновным, была обещана тем, кто укажет их местонахождение.

Обнародование указа, узаконившего эти меры, вызвало оцепенение среди тех, кто формально подпадал под его юрисдикцию и мог понести наказание лишь по подозрению в растрате. Но им никто не сочувствовал. Судебные процессы против них оправдывали их ужас. Вскоре Бастилия уже не могла вместить всех заключенных, и тюрьмы по всей стране были битком набиты осужденными и подозреваемыми. Было издано постановление, гласившее, что всем хозяевам постоянных дворов и почтмейстерам запрещается давать лошадей пытающимся спастись бегством; всем без исключения под угрозой крупных штрафов запрещалось укрывать их или помогать им бежать. Одних выставили к позорному столбу, других послали на каторгу, а наименее виновных оштрафовали и посадили в тюрьму. Только один человек — Самуэль Бернар, богатый банкир и генеральный откупщик одной отдаленной провинции, был приговорен к смерти. Нелегальные доходы этого человека, которого считали тираном и угнетателем своего округа, были столь огромны, что за организацию своего побега он предложил шесть миллионов ливров (250 тысяч фунтов стерлингов).

Его взятку не приняли, и он был казнен. Другим же, вероятно, даже более виновным, повезло больше. Конфискации укрываемых преступниками богатств часто приносили меньше денег, чем обычный штраф. Жесткость правительства пошла на убыль, и штрафы за налоговые злоупотребления взимались со всех осужденных без разбора; но все административные департаменты были настолько коррумпированы, что страна извлекла лишь малую выгоду из сумм, таким образом пополнивших казну. Львиная доля этих денег попала в руки придворных, их жен и фавориток. На одного податного чиновника наложили, пропорционально его состоянию и степени вины, штраф в двенадцать миллионов ливров. Один граф, не последний человек в правительстве, навестил его и пообещал освобождение от уплаты в обмен на сто тысяч крон. «Вы опоздали, друг мой, — ответил финансист. — Мы с вашей женой уже сошлись на пятидесяти тысячах»¹.

¹ Этот эпизод описан месье де ла Од в труде «Жизнь Филиппа Орлеанского». Он заслуживал бы большего доверия, если бы автор назвал имена бесчестного чиновника и еще более бесчестного министра. Но книге месье де ла Од присущ тот же недостаток, что и большинству французских мемуаров того и последующих периодов. В большинстве из них автору достаточно, чтобы какой-либо эпизод был красочным, достоверность же для него вторична. — Прим. авт.

Таким путем было изъято около ста восьмидесяти миллионов ливров, из которых восемьдесят миллионов пошли на уплату долгов правительства, а остальное попало в карманы придворных. Мадам де Ментенон¹ пишет об этом следующее: «Мы ежедневно узнаем о новых пожалованиях от регента. Народ ропщет из-за того, что деньгам, изъятым у казнокрадов, найдено такое применение». Народ, который после того, как улеглось первоначальное возмущение, в целом сочувствовал пострадавшим, был возмущен тем, что столь суровые меры привели к столь незначительным результатам. Люди находили несправедливым, что за счет поборов с одних мошенников жиреют другие. Несколько месяцев спустя, когда все наиболее виновные понесли наказание, Судебная камера стала выискивать жертвы среди людей более скромного общественного положения. Как результат щедрых посулов доносчикам против торговцев с незапятнанной репутацией выдвигались обвинения в мошенничестве и назначении грабительских цен. Их заставляли отчитываться об их деятельности перед трибуналом, дабы доказать свою невиновность. Отовсюду раздавались голоса недовольных, и в конце года правительство сочло за лучшее прекратить дальнейшие судебные разбирательства. Судебную камеру упразднили и объявили всеобщую амнистию тем, против кого еще не выдвинули обвинений.

Посреди этой финансовой неразберихи на сцене появился Ло. Никто лучше регента не осознавал всей плачевности положения, в котором оказалась страна, но и никто более него не страшился мужественно и энергично взяться за дело. Он не любил работать, подписывал официальные документы без надлежащего их изучения и доверял другим то, что должен был делать сам. Заботы, неотделимые от его высокого статуса, тяготили его. Он видел, что необходимо что-то предпринять, но ему не хватало для этого энергии и не доставало добродетели, чтобы пожертвовать ради дела праздностью и удовольствиями. И неудивительно, что он, имея такой характер, благосклонно внимал грандиозным и, казалось бы, легко выполнимым планам смышленного авантюриста, которого давно знал и чьи таланты ценил.

Когда Ло появился при дворе, его встретили самым радушным образом. Он представил на рассмотрение регента два ходатайства с описанием бед, обрушившихся на Францию из-за нехватки денег,

¹ Франсуаза д'Обинье Ментенон (1635–1719) — маркиза и фаворитка (впоследствии морганатическая супруга) Людовика XIV. — *Прим. пер.*

неоднократно обесценивавшихся. Он утверждал, что монеты без поддержки бумажных денег никоим образом не удовлетворяют потребностям активной в коммерческом отношении страны, ссылаясь при этом, в частности, на Великобританию и Голландию, где бумажные деньги доказали свою состоятельность. Он привел массу весомых аргументов в пользу кредита и в качестве средства его возрождения во Франции предложил разрешить ему учредить в переживавшей упадок стране банк, который регулировал бы поступления в королевскую казну и выпускал бы банкноты, обеспеченные как казной, так и земельными угодьями. По замыслу Ло, банк должен был управляться от имени короля, но при этом контролироваться комиссией, назначаемой Генеральными штатами.

Пока эти ходатайства рассматривались, Ло перевел на французский язык свое сочинение о деньгах и торговле и использовал любые средства, чтобы прославиться на всю страну как финансист. Вскоре о нем заговорили. Наперсники регента восхваляли его повсюду, и все ожидали великих свершений от месье Ласс¹.

5 мая 1716 года был издан королевский указ, в котором Ло вместе с его братом разрешалось учредить банк под вывеской «Ло и Компания», банкноты которого должны были приниматься при уплате налогов. Уставной капитал устанавливался в размере шести миллионов ливров и был разделен на двенадцать тысяч акций по пятьсот ливров каждая, одна четверть которых могла быть куплена за металлические деньги, а остальные — за так называемые *billets d'état*². Было решено не предоставлять ему все те привилегии, о которых он просил в ходатайствах, до тех пор, пока предприятие не докажет свою безопасность и выгоду на практике.

Ло находился на прямом пути к богатству. Его тридцатилетняя карьера увенчалась тем, что он стал руководителем собственного банка. Его банкноты при предъявлении подлежали оплате той монетой, которая имела хождение на момент их запуска в обращение. Последнее было умным политическим ходом и сразу же сделало его банкноты более ценными, чем монеты из драгоценных металлов. Последние постоянно обесценивались неразумными действиями правительства.

¹ Французы произносили его фамилию на свой манер, дабы избежать чуждого галлам звука «aw» [долгий звук «о» в английском языке. — Прим. пер.]. После провала его плана шутники говорили, что страна была *lasse de lui* [сыта им по горло (фр.). — Прим. пер.], и предлагали впредь называть его месье *Helas!* [*helas* — «увы!», «ах!», к сожалению!» (фр.). — Прим. пер.]. — Прим. авт.

² Государственные билеты (фр.) — французские государственные облигации. — Прим. пер.

Тысяча серебряных ливров могла в один день иметь одну номинальную стоимость, а на следующий день обесцениться на одну шестую, но банкноты банка Ло сохраняли при этом свою первоначальную стоимость. В то же время Ло публично заявил, что банкир, печатающий недостаточно обеспеченные банкноты, заслуживает смерти. В результате его банкноты моментально выросли в цене и стали приниматься на 1% дороже металлических денег. Это случилось незадолго до начала в стране торгового бума. Хиреющая коммерция начала поднимать голову, налоги платили более регулярно и с меньшим ропотом, и установилась та степень доверия к властям предержавшим, которая при условии неизменности выбранного курса неизбежно сделала бы коммерческие операции более прибыльными. В течение года стоимость банкнот Ло выросла на 15%, тогда как *billets d'état* — облигации, пущенные в обращение правительством как средство платежа по долгам расточительного Людовика XIV, обесценились до 78,5% от номинала. Сравнение было настолько в пользу Ло, что он привлек к себе внимание всего королевства, и его репутация росла день за днем. Филиалы его банка были почти одновременно учреждены в Лионе, Ла-Рошели, Туре, Амьене и Орлеане.

Регент, видимо, был чрезвычайно удивлен успехом Ло и постепенно пришел к мысли, что бумажные деньги, способные до такой степени поддержать металлические, могут полностью их заменить. Его последние действия основывались на этом фундаментальном заблуждении. Между тем Ло затеял свой знаменитый проект, оставивший о нем память на поколения вперед. Он предложил регенту (который не отказывал ему ни в чем) основать компанию, которая имела бы исключительную привилегию на торговлю в провинции Луизиана, расположенной на западном берегу великой реки Миссисипи. Считалось, что эти земли богаты драгоценными металлами, а компания, поддерживаемая исключительными торговыми льготами, должна была стать единственным сборщиком налогов и чеканщиком монеты. В августе 1717 года компании был выдан регистрационный патент. Капитал поделили на двести тысяч акций по пятьсот ливров каждая, и все они могли быть оплачены в *billets d'état* по номинальной стоимости, несмотря на то, что на фондовом рынке они стоили не более ста шестидесяти ливров за штуку.

Нацию стала охватывать безумная спекуляция. Дела у банка Ло шли настолько хорошо, что любым обещаниям шотландца верили безоговорочно. Регент ежедневно наделял удачливого финансиста новыми привилегиями. Его банк получил монополию на продажу

табака, исключительное право на аффинаж золота и серебра и в конце концов был преобразован в Королевский банк Франции. Среди этого опьянения от успехов и Ло, и регент забыли тот самый принцип, который ранее столь громко провозглашался первым из них: банкир, печатающий банкноты, не обеспеченные необходимыми фондами, достоин смерти. Как только банк из частного учреждения превратился в государственное, регент довел выпуск банкнот до объема один миллиард ливров. Это был первый случай отхода от основополагающих принципов, в котором несправедливо обвиняют Ло. Когда он управлял делами банка, выпуск банкнот никогда не превышал шестидесяти миллионов ливров. Не известно, выступал ли Ло против этого чрезмерного прироста, но в силу того, что последний имел место после преобразования банка в королевское учреждение, справедливее возложить вину за измену принципам на регента.

Ло понимал, что живет при деспотичном правительстве, но все еще не осознавал всей пагубности влияния, которое такое правительство может оказать на столь тонкий процесс, как кредитование. Позднее он узнал это на собственном опыте, но тогда страдал оттого, что регент втягивал его в дела, он сам не одобрял. Со слабостью, достойной наивысшего порицания, он способствовал наводнению страны бумажными деньгами, которые, не имея под собой прочного основания, рано или поздно должны были обесцениться. Тогдашнее исключительное везение ослепило его настолько, что он не почувствовал грядущей опасности при появлении ее признаков. Многих раздражало влияние иностранца, и в первую очередь членов парламента, которые к тому же испытывали серьезные сомнения в безопасности его проектов. По мере того как росло его влияние, увеличивалась их враждебность. Канцлер¹ д'Агессо был бесцеремонно уволен регентом за свое противодействие чрезмерному приросту бумажных денег и постоянному обесцениванию золотых и серебряных монет королевства. Это лишь усилило враждебность парламентариев, а когда на вакантную должность был назначен д'Аржансон человек, преданный интересам регента, получивший, помимо того, пост министра финансов, это привело их в ярость. Первая же принятая новым

¹ Канцлер — здесь: должность в центральном административном аппарате короля Франции, глава королевской канцелярии. Первоначально основные функции канцлера ограничивались редактированием королевских актов, представлением их на подпись королю и последующим скреплением печатью. Позднее канцлер стал ближайшим помощником короля и помимо выполнения вышеперечисленных обязанностей составлял королевские акты, назначал на судебные должности и председательствовал в высших совещательных органах в отсутствие короля. — *Прим. пер.*

министром мера вызвала дальнейшее обесценивание монеты. Для погашения *billets d'état* было объявлено, что те, кто принесет на монетный двор четыре тысячи серебряных ливров и одну тысячу ливров в *billets d'état*, получат обратно монеты с меньшим содержанием серебра на общую сумму в пять тысяч ливров. Д'Аржансон был страшно доволен собой, превратив четыре тысячи старых ливров большего достоинства в пять тысяч новых, меньшего достоинства. Не имея должного представления о принципах торговли и кредитования, он не отдавал себе отчета в том, какой огромный ущерб он наносит и тому и другому.

Парламентарии сразу же поняли неразумность и опасность такой политики и неоднократно заявляли ремонстрации регенту. Последний отказывался принимать их петиции к рассмотрению, и парламент, смело и очень необычно для себя превысив власть, постановил не принимать к оплате никаких денег, кроме старых. Регент созвал *lit de justice*¹ и аннулировал декрет. Парламент воспротивился и издал еще один. Регент вновь воспользовался своей привилегией и аннулировал его, а парламент, став еще более оппозиционным, утвердил новый декрет, датированный 12 августа 1718 года, который запрещал банку Ло каким-либо образом, напрямую или косвенно, участвовать в управлении государственными доходами, а всем иностранцам под угрозой суровых наказаний вмешиваться от своего или чужого имени в руководство государственными финансами. Парламент считал Ло виновником всех зол, и некоторые советники в порыве злобы предлагали привлечь его к суду и в случае признания вины повесить у ворот Дворца правосудия.

Не на шутку встревоженный Ло поспешил в Пале-Рояль² и бросился искать защиты у регента, умоляя того принудить парламент к повиновению. Регент тоже хотел этого всей душой, как в свете вышеописанных событий, так и из-за диспутов вокруг легитимации герцога Менского и графа Тулузского, сыновей последнего короля. В конечном итоге парламент был усмирен путем ареста его президента и двух советников, которых отправили в отдаленные тюрьмы.

Так была развеяна первая туча, нависшая над планами Ло, и он, свободный от мрачных предчувствий, сосредоточился на своем знаменитом Миссисипском проекте, акции которого стремительно

¹ Заседание парламента с участием короля (фр.). — Прим. пер.

² Здание в Париже, бывший Дворец кардинала. В описываемый период — резиденция Филиппа Орлеанского. — Прим. пер.

поднимались в цене, несмотря на деятельность парламента. В начале 1719 года был издан указ, даровавший Миссисипской компании исключительную привилегию торговли с Ост-Индией, Китаем и странами южных морей, а также со всеми владениями французской Ост-Индской компании, основанной Кольбером. Вследствие этого серьезного прорыва в деятельности компании она присвоила себе более подобающее своему статусу название — Компания двух Индий и выпустила пятьдесят тысяч новых акций. Планы, вынашиваемые Ло в то время, были самыми грандиозными. Он обещал годовой дивиденд в двести ливров за каждую акцию стоимостью пятьсот ливров, который, поскольку акции оплачивались в *billets d'état* по номинальной стоимости, но стоили менее 100 ливров, составлял около 120%.

Долго накапливавшийся общественный энтузиазм не смог противостоять столь блестящей перспективе. На покупку пятидесяти тысяч новых акций было подано по меньшей мере триста тысяч заявлений, и дом Ло на улице Кенкампуа с утра до ночи осаждали страждущие просители. Так как было невозможно угодить всем, прошло несколько недель, прежде чем был составлен список новых удачливых держателей капитала; за это время царивший в обществе ажиотаж превратился в безумие. Герцоги, маркизы, графы и их герцогини, маркизы и графини каждый день часами ждали результатов у дома господина Ло. Наконец, дабы избежать толкотни среди толпы простолудинов, тысячами заполонивших все близлежащие улицы, они сняли меблированные комнаты в прилегающих домах и теперь могли постоянно находиться рядом с заветным домом, откуда новый Плутос¹ разбрасывал сокровища. Стоимость акций первого выпуска ежедневно росла, а новые заявки на покупку акций — результат золотых грез целой нации — стали столь многочисленными, что было сочтено целесообразным выпустить не менее трехсот тысяч новых акций по пять тысяч ливров каждая, чтобы регент на волне энтузиазма своих подданных смог выплатить национальный долг. Для этой цели требовалось полтора миллиарда ливров. Рвение нации было настолько велико, что означенная сумма могла бы быть собрана трижды, если бы правительство санкционировало это.

Ло находился в зените процветания, а страна приближалась к зениту своего слепого увлечения. Высшие и низшие классы были в равной степени преисполнены желанием несметного богатства. Среди тогдашней аристократии не было ни одной мало-мальски заметной

¹ Бог богатства в греческой мифологии. — Прим. пер.

персоны, за исключением герцога Сен-Симона и маршала Виллара, не вовлеченной в куплю-продажу акций. Люди всех возрастов, всякого звания и обоего пола играли на повышение и понижение миссисипских ценных бумаг. Излюбленным местом брокеров была рю де Кенкампуа — узкая, неудобная улочка, на которой постоянно происходили несчастные случаи из-за огромного скопления народа. Аренда домов на этой улице в обычные времена стоила тысячу ливров в год, теперь же — от двенадцати до шестнадцати тысяч. Сапожник, имевший на этой улице прилавок, зарабатывал около двухсот ливров в день, сдавая его напрокат и снабжая брокеров и их клиентов письменными принадлежностями. Предание гласит, что один стоявший на этой улице горбун зарабатывал изрядные суммы, сдавая в аренду энергичным спекулянтам свой горб в качестве письменного стола! Большое скопление людей, собиравшихся, чтобы заниматься коммерцией, привлекало еще бóльшую толпу зевак. Сюда стягивались все воры и аморальные элементы Парижа, здесь постоянно нарушался общественный порядок. С наступлением сумерек часто приходилось высылать отряд солдат для очистки улицы.

Ло, тяготившийся таким соседством, переехал на площадь Вандом, сопровождаемый толпой *agoteurs*¹. Эта просторная площадь вскоре стала столь же многолюдной, что и улица Кенкампуа: с утра до ночи на ней шли торги. Там сооружались палатки и тенты для заключения сделок и продажи напитков и закусок; в самом центре площади устанавливались столы для игры в рулетку, где с толпы собирали золотой, или, скорее, бумажный урожай. Бульвары и скверы были забыты; влюбленные парочки прогуливались преимущественно по площади Вандом, ставшей модным местом отдыха праздного люда и встреч деловых людей. Здесь целыми днями стоял такой несусветный гам, что канцлер, чье ведомство находилось на этой площади, пожаловался регенту и муниципалитету на то, что он не слышит адвокатов. Ло, когда к нему обратились по этому поводу, выразил готовность помочь устранить неудобство, для чего заключил с принцем де Кариньяном договор касательно гостиницы «Отель-де-Суассон», имевшей с задней стороны парк площадью несколько акров. Сделка состоялась, и Ло приобрел отель за огромную цену, а принц сохранил за собой великолепный парк как новый источник дохода. В нем находились прекрасные статуи и несколько фонтанов, и в целом он был спланирован с большим вкусом. Как только Ло обустроился в своей

¹ Биржевых игроков (фр.). — Прим. пер.

новой резиденции, был издан указ, запрещавший всем без исключения лицам покупать или продавать акции где бы то ни было, кроме парка «Отель-де-Суассон». В центре парка среди деревьев соорудили около пятисот небольших тентов и павильонов для удобства брокеров. Их разноцветье, развевающиеся на них веселые ленты и флаги, оживленные толпы, непрерывно снующие туда-сюда, несмолкаемый гул голосов, шум, музыка, странная смесь деловитости и удовольствия на лицах людей — все вместе это создавало некую волшебную атмосферу, приводившую парижан в полный восторг. Пока продолжалась эта мания, принц де Кариньян получал громадные прибыли. Каждый тент сдавался в аренду за 500 ливров в месяц, и, поскольку их было в парке не менее пяти сотен, месячный доход принца только из этого источника составлял, очевидно, как минимум 250 тысяч ливров (свыше 10 тысяч фунтов стерлингов).

Маршал Виллар, честный старый солдат, был настолько раздражен этим неистовством, охватившим его соотечественников, что никогда не высказывался по данному вопросу спокойно. Проезжая однажды через площадь Вандом в своей карете, этот холерический господин был так раздосадован людской суматохой, что внезапно приказал кучеру остановиться и, высунув голову из окна, добрые полчаса разглагольствовал об «отвратительной алчности» новоявленных коммерсантов. Это было не очень умно с его стороны. Отовсюду раздавались свист и громкий хохот, в адрес маршала летели бесчисленные остроты. Наконец, когда появились очевидные признаки того, что вот-вот в направлении его головы полетит нечто более весомое, маршал счел за благо поехать дальше. Он больше никогда не повторял этот эксперимент.

Двое рассудительных, спокойных и философски настроенных литераторов, месье де ла Мотт и аббат Терразон, поздравили друг друга с тем, что хотя бы они остались в стороне от странного слепого увлечения. Несколькими днями позже, когда достопочтенный аббат выходил из «Отель-де-Суассон», куда он приходил купить акции Миссисипской компании, он увидел не кого иного, как своего друга ла Мотта, входившего внутрь с той же целью. «Ба! — сказал, улыбаясь, аббат. — Это *вы?*» «Да, — сказал ла Мотт, протискиваясь мимо того так быстро, как только мог. — А неужели это *вы?*» При следующей встрече двое ученых мужей разговаривали о философии, о науке и о религии, но ни тот, ни другой долго не осмеливались произнести хоть слово о Миссисипской компании. Наконец, когда это произошло, они сошлись на том, что никто и никогда не должен от чего бы то ни было

зарекается и что нет такого безрассудства, от которого был бы застрахован даже умный человек.

Тем временем Ло, этот новый Плутос, вдруг стал самой важной особой в государстве. Придворные забыли о вестибюлях регента. Пэры, судьи и епископы устремились в «Отель-де-Суассон»; офицеров армии и флота, титулованных светских дам и всех, кто в силу унаследованного дворянского титула или высокого служебного положения мог претендовать на первенство, можно было встретить в его вестибюлях, где они ждали своей очереди, с тем чтобы подать прошение о получении доли акционерного капитала Индийской компании. Претендентов было столько, что Ло не мог принять даже десятую их часть, и для получения доступа к нему использовались любые уловки, какие могла подсказать человеческая изобретательность. Пэры, чье звание было бы оскорблено, заставь их регент ждать приема полчаса, были готовы шесть часов ожидать возможности встретиться с месье Ло. Претенденты платили его слугам гигантские суммы, дабы те просто объявляли их имена. С той же целью женщины-аристократки пользовались обольстительностью своих улыбок; но многие из них приходили день за днем в течение двух недель, прежде чем добивались аудиенции. Когда Ло принимал то или иное приглашение, его зачастую окружало такое количество женщин, каждая из которых просила внести ее имя в списки держателей акций нового выпуска, что ему, несмотря на его известную и привычную галантность, приходилось отражать их натиск *par force*¹. Люди прибегали к самым нелепым ухищрениям, дабы получить возможность поговорить с ним. Одна дама, тщетно прилагавшая к этому усилия в течение нескольких дней, в отчаянии отказалась от любых попыток встретиться с ним в его доме, но строгонастрого приказала своему кучеру смотреть в оба всякий раз, когда она едет в карете по улице, и, если он увидит идущего г-на Ло, налететь на столб и опрокинуть карету. Кучер обещал повиноваться, и дама непрестанно колесила по городу три дня, в душе моля Бога дать ей счастливый шанс опрокинуться. Наконец она заметила издали г-на Ло и, оттянув занавеску, закричала кучеру: «Опрокидывай сейчас же! Бога ради, опрокидывай!» Кучер налетел на столб, женщина завизжала, карета опрокинулась, и Ло, ставший свидетелем *несчастливого случая*, поспешил к месту происшествия для оказания помощи. Хитрая дама была препровождена в «Отель-де-Суассон», где она вскоре сочла разумным оправиться от испуга и, извинившись перед г-ном Ло, при-

¹ Силой (фр.). — Прим. пер.

зналась в своей уловке. Ло улыбнулся и вписал ее в свой реестр как покупательницу некоторого количества акций Индийской компании. В другой раз некая мадам де Буша, узнав, что г-н Ло обедает в конкретном доме, приехала туда в своей карете и объявила пожарную тревогу. Вся компания, включая Ло, бросилась из-за стола, но последний, увидев, что какая-то женщина со всех ног вбежала в дом и устремляется прямо к нему, в то время как все остальные поспешно выбегают наружу, заподозрил обман и удалился в другом направлении.

В книгах приводится множество других анекдотичных эпизодов, от которых, даже если они и слегка приукрашены, все же не стоит открешиваться, ибо они передают атмосферу того необычайного времени¹. Однажды в присутствии д'Аржансона, аббата Дюбуа и некоторых других персон регент сказал, что очень хочет поручить какой-нибудь даме, титулом не ниже герцогини, прислуживать его дочери в Модене. «Но, — добавил он, — я не знаю наверняка, где такую найти». «Да нет же! — ответил ему кто-то с притворным удивлением. — Я могу сказать вам, где искать всех герцогинь Франции: вам просто нужно пойти к месье Ло, и вы увидите их всех в его вестибюле».

Месье де Ширак, знаменитый врач, купил акции в неудачное время и очень хотел их продать. Курс акций между тем продолжал падать два или три дня, что его не на шутку встревожило. Врач напряженно думал над этой неурядицей, когда его внезапно вызвали к одной даме, почувствовавшей недомогание. Он приехал, его проводили наверх, и он пощупал у женщины пульс. «Он падает! Он падает! Господи милосердный, он непрерывно падает!» — произнес он с задумчивым видом, а женщина, услышав это, тревожно взглянула ему в глаза. «О, месье де Ширак, — сказала она, вставая с постели и вызывая колокольчиком прислугу, — я умираю! Я умираю! Он падает! Он падает! Он падает!» «Что падает?!» — спросил изумленный доктор. «Мой пульс! Мой пульс! — сказала женщина. — Должно быть, я умираю». «Не бойтесь, дорогая мадам, — сказал месье де Ширак. — Я говорил о курсе акций. Дело в том, что мне ужасно не повезло, и я так расстроен, что едва ли понимаю, что говорю».

Однажды цена акций поднялась на 10–20% в течение нескольких часов, и многие люди скромного общественного положения, вставшие утром с постели бедняками, улеглись спать богачами. Один держатель

¹ Любопытный читатель может отыскать один такой эпизод о страстном желании французских дам удержать Ло в их компании, который заставит его краснеть или улыбаться в зависимости от того, насколько он стеснителен. Он изложен в «Записках мадам Шарлотты Элизабет де Бавье, герцогини Орлеанской», том II, с. 274. — *Прим. авт.*

большого пакета акций, заболев, послал слугу продать двести пятьдесят акций по восемь тысяч ливров каждую — по котировке на тот момент. Слуга ушел и по прибытии в «Жарден-де-Суассон» обнаружил, что за это время цена возросла до десяти тысяч ливров. Разницу в две тысячи ливров, помноженную на двадцать акций, то есть 500 тысяч ливров (20 тысяч фунтов стерлингов), он хладнокровно прикарманил и, вернув остаток хозяину, в тот же вечер уехал в другую страну. Кучер Ло за очень короткое время нажил сумму, достаточную для изготовления собственной кареты, и попросил разрешения оставить службу. Ло, ценивший этого человека, попросил его в качестве одолжения перед уходом подыскать себе замену, столь же хорошую, сколь и он сам. Кучер дал согласие, вечером привел двух своих бывших друзей и попросил г-на Ло выбрать одного из них; другого он собирался оставить для себя. Кухаркам-горничным и ливрейным лакеям время от времени улыбалась удача, и они, будучи вне себя от гордости за свое легко нажитое благосостояние, делали нелепейшие ошибки. Смешав язык и манеры своего прежнего сословия с пышным убранством нынешнего, они стали постоянными объектами жалости сочувствующих, презрения черствых и насмешек всех без исключения. Но глупость и низость знати были еще более отвратительны. Презренную алчность, заразившую целое общество, в полной мере демонстрирует один пример, приведенный герцогом де Сен-Симоном. Человек по имени Андре, бесхарактерный и необразованный, путем серии своевременных спекуляций с Миссисипскими ценными бумагами нажил громадное богатство за невероятно малый промежуток времени. Как пишет Сен-Симон, «он скопил золотые горы». Разбогатев, он устыдился низости своего происхождения и возжелал всех атрибутов дворянства. У него была дочь, ребенок трех лет от роду, и он предложил аристократическому, но обедневшему семейству д'Уаз заключить соглашение, согласно которому означенное дитя должно было в будущем при определенных условиях выйти замуж за одного из членов этой семьи. Маркиз д'Уаз, к своему стыду, дал на это согласие и пообещал жениться на ней сам по достижении ею двенадцатилетнего возраста, если ее отец выплатит ему сто тысяч крон и будет выплачивать по двадцать тысяч ливров ежегодно вплоть до бракосочетания. Самому маркизу шел тридцать третий год. Эта позорная сделка была должным образом подписана и скреплена печатью, и спекулянт дополнительно согласился оставить в день свадьбы за дочерью приданое в несколько миллионов ливров. Герцог Бранкасский, глава семейства, был не только в курсе соглашения, но и его полноправным участником. Сен-Симон, трактуя данный

случай легкомысленно и считая его невинным курьезом, добавляет, что «люди не обошлись без порицаний сего прелестного брака», и далее сообщает, что «несколькими месяцами позже проект потерпел крах из-за ниспровержения Ло и разорения честолюбивого месье Андре». Представляется, однако, что благородному семейству так и не достало честности вернуть 100 000 крон.

На фоне подобных событий (хоть и крайне унижительных, но большей частью смехотворных) имели место и более серьезные. Ежедневно происходили уличные грабежи как следствие того, что люди носили с собой огромные суммы наличных денег. Убийства из-за угла также были обычным делом. Один такой случай привлек особое внимание всей Франции не только из-за чудовищности преступления, но и в силу титулованности и высоких родственных связей преступника.

Граф д'Орн, младший брат принца д'Орна и родственник благородных семей д'Арамбер, Делинье и Демонморанси, был распущенным молодым человеком, в какой-то степени сумасбродным и беспринципным. Сговорившись с двумя другими, такими же безрассудными, как и он, молодыми людьми — Миллем, землевладельцем из Пьемонта, и неким Дестампом или Лестангом, фламандцем, — он разработал план ограбления одного очень богатого брокера, о котором, к несчастью для него, было известно, что он носит с собой крупные суммы. Граф сделал вид, что хочет купить у него некоторое количество акций Компании двух Индий, для чего назначил ему встречу в кабаре, или, иначе говоря, в низкопробном трактире, по соседству с Вандомской площадью. Ничего не подозревающий брокер вовремя явился в условленное место, где его поджидали граф д'Орн и двое его сообщников, которых он представил как своих близких друзей. После крайне непродолжительного разговора граф д'Орн внезапно набросился на свою жертву и трижды ударил беднягу кинжалом в грудь. Мужчина тяжело упал на пол, и, пока граф обшаривал его портфель, в котором находились ценные бумаги Миссисипской и Индийской компаний на сумму сто тысяч крон, Милль из Пьемонта снова и снова вонзал кинжал в несчастного брокера, чтобы убить его наверняка. Но брокер не сдался без борьбы, и на его крики о помощи сбежали работники и хозяин кабаре. Другой наемный убийца, Лестанг, которого перед этим оставили наблюдать за лестницей, выпрыгнул в окно и убежал, а Милля и графа д'Орна взяли с поличным.

Это злодеяние, совершенное среди бела дня и в таком людном месте, как кабаре, ужаснуло весь Париж. Суд над убийцами начался на следующий день, и улики были настолько явными, что обоих

признали виновными и приговорили к колесованию. Знатные родственники графа д'Орна заполнили вестибюли регента, умоляя пощадить заблудшего юношу и утверждая, что он душевнобольной. Регент игнорировал их, пока мог, убежденный, что в случае столь зверского убийства правосудие должно идти своим чередом. Но назойливость этих влиятельных просителей нельзя было преодолеть просто отмалчиваясь, и они наконец предстали перед регентом и принялись умолять его спасти их род от позора публичной казни. Они намекали на то, что принцы д'Орны тесно связаны с известной орлеанской фамилией, и добавляли, что самого регента ждет бесчестье, если его кровный родственник умрет от руки рядового палача. Регент, к его чести, не внял их настойчивым просьбам и ответил на их последний аргумент словами Корнеля: «Le crime fait la honte, et non pas l'échafaud»¹ — добавив, что, какой бы позор ни навлекла казнь на его род, он с готовностью разделит его с другими родственниками. День за днем они возобновляли свои мольбы, но всегда с тем же результатом. Наконец им пришло в голову, что если бы им удалось привлечь на свою сторону герцога Сен-Симона — человека, к которому регент питал искреннее уважение, то они, возможно, и добились бы своего. Герцог, аристократ до мозга костей, был так же, как и они, шокирован тем, что убийцу знатного рода ждет та же смерть, что и уголовного-плебея, и заявил регенту, что было бы неразумно наживать врагов в лице столь многочисленного, богатого и влиятельного семейства. Он напирал и на то, что в Германии, где семья д'Арамберов имеет большие владения, существует закон, согласно которому ни один родственник казненного на колесе не может претендовать по праву наследования ни на какое придворное звание или нанимать работников, пока не сменится целое поколение. Поэтому он считал, что колесование осужденного можно заменить обезглавливанием, которое во всей Европе считалось гораздо менее позорным. Этот аргумент задел регента за живое, и он уже почти дал на это согласие, когда Ло, по-своему заинтересованный в судьбе убитого, подтвердил в подоспевшей резолюции свое желание оставить приговор в силе.

После этого родственники д'Орна дошли до крайности. Принц де Робек-Монморанси, отчаявшись добиться своего другими методами, нашел способ проникнуть в темницу, где содержался преступник, и, предложив ему чашу с ядом, заклинал спасти их от бесчестья.

¹ «Не эшафот позорит, а преступление» (фр.). — Прим. пер.

Граф д'Орн отвернулся и отказался принять ее. Монморанси повторил просьбу и, потеряв терпение после повторного отказа, развернулся и, воскликнув «Тогда умри, как хочешь, подлый негодяй! Ты недостоин иной участи, кроме смерти от руки палача!», оставил того наедине с судьбой.

Д'Орн сам подавал регенту прошение об обезглавливании, но Ло, имевший большее влияние на последнего, чем кто бы то ни было, за исключением пресловутого аббата Дюбуа¹, его учителя, настаивал на том, что он (регент) не должен уступать своекорыстной точке зрения д'Орнов. Регент изначально был того же мнения, и менее чем через неделю после совершения преступления д'Орн и Милль были колесованы на Гревской площади. Третьего убийцу, Лестанга, так и не поймали.

Это скорое и беспощадное правосудие очень обрадовало население Парижа. Даже месье де Кенкампуа, как здесь называли Ло, снискал расположение парижан как человек, заставивший регента не делать никаких поблажек аристократии. Но число грабежей и убийств не уменьшилось, а к ограбленным брокерам не испытывали никакой симпатии. Обычная расплывчатость общественной морали, достаточно очевидная в прежние времена, теперь еще более усилилась из-за ее быстрого распространения среди представителей среднего класса, который до сих пор оставался сравнительно незапятнанным между неприкрытой порочностью высших слоев и скрываемыми преступлениями плебса. Пагубная любовь к азартной игре пропитала общество и нейтрализовала все общественные и почти все личные добродетели, вставшие у нее на пути.

Какое-то время, пока существовало доверие, стимулировалась торговля, что не могло не пойти на пользу стране. Результаты этого были особенно ощутимы в Париже. В столицу отовсюду съезжались иностранцы, стремившиеся не только делать деньги, но и тратить их. Герцогиня Орлеанская, мать регента, пишет, что за это время население Парижа увеличилось на 305 тысяч душ за счет колоссального притока иностранцев со всего мира. Для размещения жильцов домоправительницам приходилось ставить кровати на чердаках, на кухнях и даже в конюшнях; город был настолько заполнен каретами и прочими всевозможными транспортными средствами, что на главных улицах им приходилось двигаться со скоростью пешехода во избежание

¹ Аббат Дюбуа (позднее кардинал и первый министр) был известен своей алчностью и амурными похождениями. — *Прим. пер.*